

Денис Коваленко

Битва
при
Молодях

28 июля - 3 августа 1572 г.

Денис Леонидович Коваленко

Битва при Молодях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70321264

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказ этот о битве, что случилась недалеко от города Серпухов у деревни Молоди, в лето 1572 года, во время правления царя Ивана IV Грозного. Насколько эта битва повлияла на судьбу России, читатель и узнает из этого рассказа.

Содержание

Денис Коваленко

Битва при Молодях

Посвящаю сыну Герману

Предисловие

За всю историю России, битв, решивших судьбу нашего Отечества, не так и много. Да, конечно, были битвы, которые укрепили авторитет и утвердили границы Российского государства; были и такие, которые расширили его пределы – вывели Россию к морю или утомили степь. Но были и битвы, где решалась судьба не торговых путей, не защиты границ, а сама судьба России – быть ей или исчезнуть с карты Мира. Это освобождение Москвы от поляков в 1612 году, битва за Москву в 1941-м и сражение при Молодях в 1572-м. Да, Москву жгли татаро-монголы, жгли французы, но, сжигая столицу, ни золотоордынские ханы, ни французский император не ставили целью уничтожение России как географической единицы. Они хотели наказать русского князя (царя), приструнить его – заставить преклониться перед силой, признать себя вассалом, платить дань победителю. Это унижительно, но не смертельно – встречали же русские князья ханских послов стоя на коленях и с плёткой на шее. Однако это не мешало им оставаться князьями и управлять своими княжествами. Сдача же Москвы полякам или фашистам значила бы только одно – Россия могла исчезнуть вообще, став уде-

лом Речи Посполитой или округом Третьего Рейха. Потому и победа в битве за Москву в 1941-м и освобождение Москвы в 1612-м – события для русского человека священные, более того, ставшие государственными праздниками. Но самая первая битва, отстаивавшая право России на жизнь как государства – это битва при Молодях 1572 года.

***

«В лето 7080-го ... приходил крымской царь на Русь с великим собранием. И на Молодех у Воскресения христова крымскаго царя побили».

«Повесть о бою воевод московских с неверным ханом». XVI в.

Новгород, лето 1571 года.

Послы крымского хана Девлет-Гирея давно покинули царские палаты, ушли и бояре; один Иоанн IV Васильевич – первый русский царь, прозванный Грозным, – сидел на своем троне. Лицо его ничего не выражало, он казался точно в забыты. На его коленях лежал ханский «подарок» – дорогой булатный кинжал искусной работы.

– Мало тебе, собаке, Астраханского царства, *всё* хочешь получить, – грозно, одними губами, произнес Иоанн Васильевич. И отбросив «подарок», возвел взгляд к кресту над входом в палаты: – *Сїи путіе сүть всѣхъ творящихъ беззакѡнная: нечестіемъ бо свою дүшу отъѣмлють*¹, – сказав эти сло-

---

¹ Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра: оно отнимает жизнь у завладевшего им (Книга Притчей Соломоновых глава 1, стих 19 по синодальному пере-

ва, изреченные царем Соломоном, царь Иоанн, решительно поднялся и крикнул бояр.

***

Еще весной 1571 года Московское царство, являлось одним из могущественных государств Европы и Азии.

Но уже в мае того же года русский царь, покоривший и включивший в своё царство Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, разгромивший Ливонский орден, проложивший дорогу России к Балтийскому морю, заставивший Польшу, Литву и Швецию объединиться и один воевавший почти со всей Европой, получил страшный удар и был вынужден бежать в Новгород. И от кого? От какого-то крымского хана, холопа турецкого!

Иоанн готов был тогда даже пожертвовать Астраханью, но Девлет-Гирей хотел полностью уничтожить всё, что с Божьей помощью собрал царь Иоанн IV, – все магометанские² народы, покорившиеся Руси, хотел этот османский слуга отнять и саму Русь превратить в своего данника. Да, удар был страшный.

В мае крымское войско подошло незамеченным к Москве и сожгло её дотла – остался лишь каменный Кремль. В деревянном городе из 120 тысяч жителей в живых осталось чуть более 30 тысяч. В рабство татары увели 60 тысяч православных – сам Девлет-Гирей похвалялся этим перед турецким

воду).

² Магометане – исповедующие ислам

султаном. А русский царь бежал в Новгород. И 450 возов государственной казны, денно и ночью охраняемой пятьюстами стрельцами, было перевезено из Москвы во временную столицу России. И это на виду у всей Европы. Значит, не так силен русский медведь, раз его заставила бежать какая-то крымская собака.

Да, удар был страшный. Но не смертельный. В Новгороде стояло 40 тысяч русского войска, что заставляло Ливонский союз повременить с нападением, и по всем городам русским стояли многочисленные гарнизоны. А казанцы с астраханцами не торопились. И Ногайское ханство не спешило присоединиться к туркам; да и турки наблюдали. Теперь всё зависело от второго похода крымского хана: побьёт он Москву – вся Европа и Азия со всех концов набросятся на Россию, а не побьёт... ну что ж – значит, пока не время.

***

Когда бояре вернулись в царские палаты, Государь, Царь и Великий князь всея Руси Иоанн IV Васильевич приказал:

Москву укрепить: Ворота построить из бревен в виде башен, снаружи покрыть дерном и землей; между воротами проложить вал в три сажени³ шириной. Заново отстроить сожженный татарами Новодевичий монастырь. От Калуги до Коломны вдоль всего берега Оки – построить такие укрепления: рядом друг с другом вбить два частокола; один часто-

---

³ Сажень равна 2,16 метра

кол чтобы стоял перед вторым, два фута⁴ в ширину и четыре фута в высоту. Землей, выкопанной от дальнего частокола, забросать между двух частоколов, таким образом заполнить его. Всю эту стену охранять пушками, стрельцами и пищальниками⁵. Да где в котором месте на Оке перелазы⁶ гладки и мелки, и в том месте сделать крепости, заплести плетень и чеснок⁷ разбросать. Да и на Угре на устье, от устья вверх, до которого места пригоже, по тому же сделать крепости для перелазов. На берегу хворостом сделать двор⁸ да около того ров копать, и на перевозе⁹ наряды и пушки оставить. Работы наказать посошным¹⁰ людям из окрестных сел, и ратникам вставшим по Оке полкам.

Наказать оборону князю Воротынскому. По всему югу

---

⁴ Фут равен 30,48 см

⁵ Стрелцы – выборные служилые люди «по прибору» (по набору) в конце XV – начале XVIII веков, служивший в государственном стрелецком войске и вооружённый «огненным боем», обычно пехотинец, реже – ездящая пехота. Пищальники – пехота Русского государства конца XV – первой половины XVI веков, вооружённая ручным огнестрельным оружием – пищальями.

⁶ Перелаз (брод) – неглубокое место реки, которое можно перейти пешком или конным

⁷ Чеснок (оружие) – кованный, гнутый или штампованный четырехконечный шип. Применялся как оборонительное ограждение от конницы.

⁸ Двор – изгородь

⁹ Перевоз – постоянное место переправы через реку на плоту, пароме, лодках.

¹⁰ Посошный человек – необученный военному делу крестьянин, набранный с «сохи» для ведения строительных работ.

России разъезды¹¹ пустить – чтобы каждый татарский шаг был известен. И собрать войско такое, что бы и встретить крымчан и побить их.

К июлю 1572-го все царские указы были выполнены, и, когда пятидесятитысячное крымское войско перешло границу России, к встрече крымского хана всё было готово. Иоанн Грозный лично, прибыв в Коломну, провёл смотр полков и проверил береговые укрепления. Остался доволен и отбыл в Москву.

Почерневшей от горя старухой встретила своего царя осиротевшая столица. Где, казалось, ещё вчера, на своих дворах и в теремах весело гуляли и пели москвичи, гулял и пел среди обугленных брёвен горький ветер да слышался редкий вой собак. Один каменный Кремль, несломленный и величественный, как сильный воин посреди побоища, стоял и был готов к новому удару. В Кремль и въехала царская карета.

В посте и молитве, в смотрах и распоряжениях проводил царь эти последние недели весны. Гневом Божиим виделось Иоанну это татарское нашествие, попущением Господним за грехи его, первого помазанника на трон российский. Третьим Римом объявил он Москву. И вот он, разрушенный безбожными варварами его Рим, лежит в руинах. Расписал уже по своим мурзам на уделы Девлет-Гирей всю землю Русскую, расписал, как при Батые, – так говорили татары, так похвалялся и сам крымский хан. В июне Крымское войско вышло

---

¹¹ Небольшой конный отряд высылаемый для разведки.

в поход на Москву.

Когда русские разъезды обнаружили татар и донесли об их пути и их числе, были бояре, помышлявшие сдаться хану без боя, до того страшны оказались донесения разведчиков. Никогда еще Русь не видела такого полчища: несчетное число конных воинов: крымчане, нагайцы, черкесы, страшные янычары – турецкие стрельцы – одних их, шагающих ровным строем с приставленными к плечам мушкетами, в своих неизменных белых юскюфах (колпаках)¹², лица смуглые горбоносые, чисто выбритые бороды, длинные висячие усы. Одних только янычар разъезды насчитали почти 10 тысяч; и бесконечный обоз, с тяжелыми осадными пушками, которые тянули странного вида горбатые лошади. Не многие русские люди могли похвастаться, что знали, что такое верблюды. Словом, число и размер татарского войска двигавшегося на Москву по-настоящему выглядел пугающе. Вдвое, а то и втрое больше, чем само русское войско, которое ожидало его на левом берегу Оки.

Каждое утро падал грозный царь на камни в своей царской часовне перед иконами Господа Иисуса Христа и Пресвятой Божьей Матери и молил о прощении грехов своих, молил о помощи не допустить гибели, вверенной ему, грешнику недостойному, земли Богом освященной – земли Рус-

---

¹² Юскюф – войлочный колпак с висящим сзади куском материи, напоминающим по форме рукав султанского халата или парадную шапку запорожского казака.

ской; последнему оплоту Церкви Православной. Неужели подобно византийской Софии, превратят нехристи Храмы Божии в поганые мечети? Не попусти этого беззакония Господи! – вот о чем денно и ночью молил первый Русский царь Господа Иисуса Христа. И вмятины от царских коленей появились на камнях часовни.

В конце мая, царь оставил Москву и уехал в Новгород. И в Новгороде не переставал он молить Бога и Матерь Божию о милости и поможении.

– Услышал меня Господь, – облегченно произнес царь Иоанн, когда донесли ему, что Девлет-Гирей выбрал к Москве прохоженный, самый короткий путь – через Серпухов. В Серпухове ждало татар собранное Воротынским русское войско.

И войско это со всеми полками, со всеми воеводами было всего ровно 20 034 человек. Это «опричь Мишки с казаки» – донского атамана Мишки Черкашенина, приведшего к Серпухову может сотню, а может тысячу, а может... Бог их знает. Сколько казаков он с собой привел, не знал и сам атаман, таковы были свободные нравы у донцов. Не холопы они великому государю, а вольные люди – его союзники, и в поход могли выступить и сто, и тысяча, и больше, словом, сколько «похочет». Среди же 20 тысяч «всяких людей» было 300 немецких конников ротмистра Фаренсбаха и 1900 монастырских слуг¹³ новгородских и подмосковных монасты-

---

¹³ Монастырские слуги – группа людей, состоявшая из обедневших крестьян,

рей.

Рисковал князь Воротынский. Выбери Девлет-Гирей другой путь – и без помех зашел бы он в Москву, и погибла бы Россия. Но прозорлив оказался князь Воротынский, просчитал он шаги крымского хана, и не ошибся.

***

В субботу 26 июля конные авангарды Девлет-Гиреева войска вышли к Оке, к самому Серпухову. И левый и правый берега здесь были пологими, и ширина реки из-за косы была меньше. Но слишком грозно смотрели на топчущихся на своих лошадях татар русские пушки и пищали, защищенные в три ряда частоколом и плетнем. Не решились татары на переправу. Так, по баловству, стрельнули из луков по укреплениям и ушли.

Ниже по течению, километрах в двадцати, на Сенькином перелазе (или, как еще говорят, броде), где река Лопасня впадала в Оку, стояли две сотни ратников сторожевого левого полка воевод князя Ивана Шуйского и опричника Василия Умно́го-Колычёва.

Место для переправы самое подходящее. Ширина Оки здесь хоть и более двухсот метров, и течение сильное, но глубина почти всего брода – по пояс. Татарам и надо что шагов пятьдесят проплыть, а потом, хоть на полном скаку – до самого устья.

слобожан, инвалидов войны и т. д. В XVII в. монастырские слуги обычно заключали с монастырем устный договор или письменную порядную запись.

– Иван Петрович, – Умной-Колычѣв вглядывался в деревья того берега, – А как они сейчас тут все попрут... удержим? – и сам ответил, – удержим.

– С Божьей помощью, – отвечал князь, так же вглядываясь в деревья, точно вот сейчас выскочат оттуда с гиканьем татары и...

– Братцы! Гляди! – крикнул один из казаков и руку одну аж выставил, а другой часто кресты на себя накладывал. – Мать Божья! Пресвятая Богородица! Да сколько ж их там, сырядцев¹⁴!

И деревьев не видно – столько конников выскочило на берег; и первые с ходу прыгнули в воды реки и поплыли, за ними следующие, и следующие, и конца им не было. Первые кто выбрался на песок брода, шагом приближались к правому берегу, готовые перейти на бег, а в воду все входили и входили, крича и визжа, новые всадники.

– Братцы! Товсь! – приказал пищальникам и пушкарям воевода Умной-Колычѣв. – Пли!

Точно в стену врезались татарские кони – такой плотный был первый залп почти полсотни пищалей и десятка пушек.

– Пли! – скомандовал воевода. И вторая конная волна, как и первая, рухнула, наскочив на чугунно-свинцовую стену. Час назад прозрачно-желтый песок брода стал яростно-красным от крови. А кто прорвался из татар сквозь «стену», ша-

---

¹⁴ Сырядцы – так называли славяне татар, употреблявших в пищу сырое мясо и кровь.

гах в десяти падали – сбрасывали их ошалевшие их же кони, наступавшие на густо разбросанные по песку брода чесноки – острые шипы, вонзавшиеся в копыта лошадиные.

А кто-таки выбрался на берег, был заколот и зарублен дворянскими сотнями и сброшен обратно в реку.

Коротким и кровавым оказался этот первый бой. Потоптавшись на берегу, развернулись татары и точно сгнули.

– Братцы, не могу это слышать! Душу рвет! – и казак закрыл уши, только бы не слышать надрывное ржание барахтающихся в крови брода раненых лошадей. – Не могу! – схватив копьё, казак бросился в воду, и с плеча, колот и колот вылупивших на него красные глаза и скаливших крупные зубы, татарских лошадей.

И тихо стало. Убитых татар и коней выволокли на берег и закопали, чтобы не смердели.

***

Девлет-Гирей и его главный полководец Дивей-мурза сидели в шатре, когда принесли весть о поражении их воинов на Сенькином перелазе.

– Неверные, как голодные псы, разбрелись по реке, – Девлет-Гирей ножом проткнул кусок варёной баранины, поднял его перед глазами и, внимательно рассматривая этот жирный сочный кусок, продолжил: – Они прогнали одного молодого волка и скулят от радости.

– Они забыли, что к ним идёт лев, – гордо продолжил Дивей-мурза. Он не только был главным полководцем и правой

рукой хана – его сын был женат на дочери Девлет-Гирея. И никого хан так не слушал и не любил, как своего свата.

– Мы поможем им это вспомнить. – Девлет-Гирей швырнул кусок к выходу, где стояли слуги. Один из них ловко поймал мясо и с благоговением прижал его к груди.

В шатёр позвали Тягриберди-мурзу и общим советом решили вот что: Тягриберди-мурза с ногами переходит Сенькин брод; в это же время Дивей-мурза поднимается вверх по течению и западнее Серпухова переправляется через Оку у деревни Дракино. Сам же Девлет-Гирей с основными силами становится напротив главных сил русских и бьёт по ним из всех пушек, удерживая неверных и не давая их князю помочь своим полкам.

Когда же мурзы переправятся, они окружат русских, вынудят их покинуть укрепления и принять бой в открытом поле.

– И наша конница растопчет этих бешеных собак! – воскликнул Дивей-мурза. – Я лично приведу тебе, хан, русского князя на аркане!

***

И наступило утро воскресения, 27 июля.

И было дело большое в этот день правому полку, где воеводами поставили князя Микиту Романовича Одоевского да Федора Шереметева, которые держали переправу у Дракино, а Федор побежал и саадак¹⁵ с себя скинул, а бился князь

---

¹⁵ Саадак – так называли или украшенный чехол для лука (налучие), или весь

Микита один.

Прорвал Дивей-мурза оборону, переправилось его войско на левый берег, и шло в тыл укреплений князя Воротынского. И Тягриберди-мурза перешел Сенькин брод и шел со своими нагаями навстречу Дивей-мурзе.

Отдав переправы, русские воеводы со своими отрядами бежали в Серпухов под защиту своих пушек.

А Девлет-Гирей «день весь до вечера и два часа ночи» бил изо всех орудий по русским укреплениям, не давая Воротынскому возможности помочь своим воеводам удержать переправы. С пяти утра и до десяти вечера длилась это артиллерийская перестрелка, не причинившая вреда ни татарам, ни русским.

Так закончился второй день войны. Русские полки, отступив без особых потерь, собрались в одном месте, под пушки князя Воротынского. Татары же, хоть и обошли войска неверных, штурмовать укрепления не торопились – слишком крепки они были и непреступны для одной конницы.

В ночь на понедельник 28 июля Девлет-Гирей с главными силами перешел Сенькин брод и к утру был уже на левом берегу.

Хитрый хан, чтобы скрыть свой маневр, оставил весь свой обоз с артиллерией и невеликой охраной, создавая видимость, что он все еще стоит на правом берегу.

набор вооружения конного воина, состоявший из лука с налучием и колчана со стрелами.

Тягриберди-мурза со своими нагаями, получив от хана наказ, не сжигая ничего и не грабя, идти прямо на Москву, перешел через реку Пахру и, рассеяв своих нагаев, перекрыл все дороги ведущие к Серпухову. До Москвы ему оставалось всего 30 километров. Так же, не чиня грабежей, шли к Тягриберди-мурзе – слева и справа – войска Дивей-мурзы и самого хана. Со дня на день татарская армия должна была соединиться.

Охранять Серпухов и берег Оки стало не от кого. Русские войска оказались в глубоком тылу.

***

– Михаил Иванович! – князь Шуйский взволновано смотрел на Воротынского. – Неужто таков ваш план, князь, позволить нехристям Москву взять? – взволнован был не один Шуйский, многие воеводы, кто был на военном совете, с вопросом смотрели на своего главнокомандующего.

– Упаси Бог, князь, – устыдил его Воротынский. Поднявшись, он внимательно посмотрел в лицо каждого воеводы, – не далее, как вчера, когда татары переправлялись через Оку, наш передовой полк князей Хованского и Хворостинина вместе с немцами Фаренсбаха, выдвинулись к Молодям и подготовили там наши позиции.

– Неужто крымский царь, вот так развернется от Москвы и пожалует к нам в гости? – усмехнулся один из воевод.

– Обязательно пожалует, – отвечал главнокомандующий, – еще как пожалует. Так царю страшнее, что идем мы за

ним в тыл, и он Москвы оберегается, а нас страшится. Один Тягриберди-мурза укрепления Москвы брать не осмелится. А помяните мое слово ни Дивей-мурза ни сам Девлет-Гирей до Тягриберди не дойдут. А пожалуют туда, куда мы им укажем.

Пока татары переправлялись через Оку, пока вынуждали Воротынского выйти из укреплений и принять бой, пока – осознав, что Воротынский из укреплений не выйдет – решали, что делать дальше, и, решив – обошли Серпухов и тремя армиями двинулись к Москве, Воротынский направил к селу Молоди передовой полк.

За ночь русские подготовили позиции, на которых собирались принять бой с татарами. Место выбрали самое подходящее: высокий холм; с одной стороны лесистое болото, с другой – река Рожайка – в своем роде коридор – с тыла не обойти; за холмом сама деревня Молоди. На вершине холма поставили гуляй-город¹⁶: защищенные толстыми деревянными щитами с бойницами телеги. Такая вот передвижная крепость. Перед крепостью вырыли ров.

Когда все было готово, передовой полк должен был до-

---

¹⁶ Гуляй-город – передвижное полевое укрепление из прочных телег, оснащённых толстыми деревянными щитами с бойницами. Щиты обеспечивали защиту от лёгкого стрелкового оружия, а вся конструкция помогала отразить конную атаку противника. «Если бы у русских не было гуляй-города, то крымский царь побил бы нас, взял бы в плен и связанными увёл бы всех в Крым, а Русская земля была бы его землей» – так написал в своих «Записках о Московии» Генрих Штаден, немец, опричник царя Иоанна Грозного.

гнать татарский арьергард и, схватив волка за хвост, притащить его прямо к месту – под пищали и пушки охотников. Воротынский, как охотник, знал, что волк непременно повернет свою морду к хвосту, а там и весь развернется, а развернувшись, бросится на собаку его схватившую; он знал это. Так и случилось.

Как только передовой полк бросился в погоню за татарами, Воротынский, со всем войском, из Серпухова перешел в Молоди и... Словом, всё было готово для засады.

Передовой отряд мчал во всю силу – и первые, люто прищпорив коней, сами воеводы, Хованский с Хворостининым, и ротмистр Фаренсбах со своими немцами. Рейтары его – немецкие наемные конники – вооруженные пистолетами, в черных кирасах, в черных железных шапках с черными вороньими перьями, на своих черных лошадях, особо выделялись среди русских конников, своим одеянием больше похожих на татар.

Арьергард Девлет-Гирея, его сторожевой полк, лениво сменял, проезжая погост церкви Воскресения Христова у Молоди, когда услышал приближающийся топот. Татары, что шли в самом хвосте, обернувшись, последнее, что увидели – черных всадников, и вспышки огня... больше десятка татар повалились на землю, сраженные залпом пистолетного огня. Черные кони расступились и разноцветные, в фуфайках и кольчугах, с кривыми саблями, с гиканьем, подобным татарскому, русские конники врубились в поджавший хвост

арьергард Девлет-Гирея. И пошла сеча лютая.

Воеводы, Хованский с Хворостининым, в дорогих доспехах, в золотых шлемах с перьями, соколами гнали татарское воронье – прочь от церкви, чтобы не осквернить погост кровью поганую. Направо и налево свистели их острые сабли, рубя татарские спины и затылки. Кровь брызгами летела в стороны, кони раненые ржали от боли – вот она настоящая потеха!

– Руби их братцы! Руби в капусту! – весело кричали воеводы, взмахивая мокрыми саблями. И рубили русские конники татар, и гнали их, как охотники гонят волков.

Не многим удалось спастись, почти весь сторожевой полк Девлет-Гирея лежал, разбросанный по дороге.

Двум ханским сыновьям было счастье избежать гибели. В поту и крови прискакали они к отцу, своему хану Девлет-Гирею.

– Ты, государь, идешь к Москве, а нас, государь, московские люди созади побили, – пав на колени, взмолили своего хана сыновья.

Немедля Девлет-Гирей направил 12 тысяч нагаев и татар в помощь своему сторожевому полку.

И вот уже русские показали свои спины татарам.

Видя, что московские люди устрашились и бегут, татары, с гиканьем, стреляя стрелами и размахивая саблями, до крови прищпорили своих коней. Не терпелось им отомстить неверным. Гнали своих коней люто, только бы догнать москвичей,

и отплатить им той же монетой.

Вот и погост с церковью миновали, вот и холм впереди – не уйти русским! Здесь у холма и полягут они все!

И круто вправо у холма свернули своих коней воеводы и с ними все русские и немецкие конники. 12 тысяч нагаев и крымчан подскочили к холму – заставили воеводы Хованский с Хворостининым повернуть волка свою морду.

Больше всего боялся князь Воротынский, что не погонится хан за его воеводами, а продолжит путь на Москву. Погнался.

– Слава тебе Боже! – небу воскликнул князь. – Пли, ребятушки! Пли, со всех пушек!

Тяжелой чугунно-свинцовой волной накрыло разгоряченных нагаев и крымчан. Подобно египетским всадникам, гнавшимся за Моисеем и потонувшим в волнах Красного моря, сотни татарских конников потонули, накрытые залпом сотен пищалей, и десятков пушек.

Точно потеряв разум, татары на конях рвались на холм, где высокой стеной стояла деревянная крепость – и беспрестанно била и била пищальным и пушечным огнем.

Штурмовать крепость на конях – было безумием; татары отступили. Весь день шла перестрелка – татары обстреливали крепость из луков, крепость татар – из пушек. В той перестрелке много крымских и нагайских татар навсегда остались лежать в земле подмосковной.

Весть эта остановила хана в семи верстах южнее Пахры,

на болоте. Иди дальше к Москве, когда за хвост держит такая злая собака!

За ночь Девлет-Гирей развернул войска и разбил лагерь за пять верст от Молоди и холма с русским гуляй-городом.

Во вторник 29 июля ...наши полки с крымскими людьми травились¹⁷, а съемного бою не было, – всё, как и прежде – татары скакали возле холма, стреляли из луков, крепость отвечала пищальным и пушечным огнем. И с каждой такой атакой хан понимал – взять крепость возможно только в съемном бою – спешить своих конников, и пустить их врукопашную.

Не ел, не пил в эту ночь Крымский царь. И мурзы его не ели и не пили, хотя ковер был уставлен яствами. Держали совет. Было ясно, как Божий день – конными крепости не взять. Одних янычар – мало для штурма. Побьют их за зря и без чести. Значит, возвращаться в Крым? И это после всех речей, которые хан говорил Османскому султану и Казанским и Астраханским ханам? Нет, такого позора Девлет-Гирей не вынесет.

– Я обоз русский возьму; и как ужаснутся и вздрогнут неверные, и мы их побьём! – как всегда гордо и яростно воскликнул Дивей-мурза. – Завтра утром, я лично приведу к тебе русского князя!

Так и было решено – всеми силами штурмовать и взять крепость.

---

¹⁷ Травиться – мелкими стычками вызывать на бой, перестреливаться

***

И русские воеводы не спали эту ночь.

– Князь! – говорили воеводы, – ядер мало, воды мало. Еще несколько дней и нечем будет чем обоз защищать. Поляжем все и Москву погубим.

– Знаю, – отвечал Воротынский. – На всё воля Божья. Не оставит нас Господь, знаю это, – и так произнес это князь, будто и верно знал он что-то, чего не знали воеводы.

До утра Воротынский и воеводы молили Бога о помощи. Кроме того, приказал князь вывести тайно из крепости всех конных ратников вместе с казаками донскими и с немцами, и поставить их в засаду, в самом тылу татарском, а в крепости оставить одних стрельцов да пищальников с пушкарями. И наказал держаться стрельцам до последнего, потому как хоть и велико Российское царство, а отступить некуда: потому как в эти дни Москва – и есть вся Россия.

Утром, как рассвело, увидели воеводы, кто в крепости остался, перед холмом все ханское войско, и видели решимость татар, видели – это утро станет особенно кровавым, и для многих последним. Прощались воеводы друг с другом, молились и благословляли друг друга. Было это 30 июля.

– Ох, что творят, нехристи, – жаловался пронзенный стрелой умирающий стрелец. Не так вели себя в этом бою татары, совсем не так. Группами проносились мимо холма и стрелы их, казалось, не кончались – не было секунды, чтобы татарская стрела не залетал за крепостную стену – настоящий жа-

лящий смертоносный ливень. То тут, то там ронял стрелец свой мушкет, и, охая, валился на землю. А злые янычары турецкие набегали на холм и, паля из мушкетов, пытались разомкнуть возы и прорваться в крепость. Но крепко стояли стрельцы, на смерть стояли. Убитого сменял товарищ, и раненый, если мог держать мушкет или саблю – стрелял и рубил – покуда мог, покуда силы были. А сил оставалось всё меньше. Но и этих пока хватало – не могли татары разомкнуть возов, не могли пробить брешь в крепости. А стрельцы, напротив, сами, когда видел воевода, что можно – размыкали возы и бросались на янычар врукопашную и рубили турок, как никогда никто никого не рубил. А порубив, возвращались за стену, смыкали обозы и били огненным боем по конным лучникам. И сколько бы это длилось и чем закончилось, не знал никто, кроме одного Бога. И помог Бог. Спас сотни православных жизней – явил Свою помощь: Дивей-мурза сам лично поехал близко около обозу с невеликими людьми, рассматривать, которые места у крепости плоше, и на то б место всеми людьми, потоптав, обоз разорвати. Его – татарского мурзу в золотых доспехах, в окружении богатой свиты – видно было как елку в поле.

– Вот он знак Божий! – точно боясь спугнуть мурзу, прошептал Воротынский, и приказал Шереметеву взять этого павлина ряженого и живым в крепость привести!

Шереметев выслал много детей боярских¹⁸ своего полка,

---

¹⁸ Дети (сыны) боярские – сословие. В XVI—XVII веках дети боярские вместе

приказав взять мурзу! И приволочь поганого в крепость!

Увидев, что на него выбежало много ратников, мурза развернул своих людей и думал скрыться на своем прекрасном аргамаке¹⁹, но метко, в самую лошадиную голову влетела пуля, и вместе с мурзой рухнул красавец конь.

И тут же подскочил к мурзе стрелявший, и умело связав ханского свата, как барана взвалил его на сильную свою спину, и принес мурзу в лагерь. Ох и ругался и брыкался пойманный мурза! Он и в лагере оказавшись, ругался и грозился всех русских собак на аркане в полон продать! Рабами сделать! Ноздри всем повырывать... много чего грозил связанный мурза, аж до пены ругался, до тошноты. А схватил его сын боярский из Суздаля, русский татарин Темир Шибает, сын Алалыкин, прозванный Иваном. Ему за такой подарок сам князь Воротынский жаловал доспехи мурзы и оружие, а оно того очень дорого стоило!

Потеряв мурзу, татары смешались и пошли от обоза прочь в станы.

И лютовал Девлет-Гирей! Хотел казнить всю свиту своего свата, но умолили его мурзы побереечь свиту, и лучше пусть они первые на обоз пойдут. И вечером татары вновь атаковали крепость. Но напуск их был слабее прежнего, а русские люди поохрабрились и, вылазя, бились, и на том бою

с дворянами входили в число «служилых людей по отечеству» и несли обязательную службу, за которую получали поместья, и составляли поместную конницу.

¹⁹ Аргмак – лошадь восточной породы.

татар многих побили. В этом вечернем бою погас и Тягри-берди-мурза. Двумя пулями из пищалей свалили мурзу два брата – Артемий и Герман, сыны Коваля, и слуги серпуховского дворянина Григория сына Сукина. Умелыми стрелками славились братья, и много тогда татар пало от их пищалей.

И печален был этот день для крымского царя. Двух своих главных военачальников потерял он, и много командиров его побили или пленили русские, попал в плен и астраханский царевич Хаз-Булат.

Вот когда Девлет-Гирей пожалел, что оставил обоз с артиллерий на правом берегу! Без пушек не могли его всадники и янычары взломать окопанный рвом гуляй-город.

Два дня крымский царь стоял лагерем и не решался на главный штурм – спешить всех всадников и бросить их в решающую рукопашную битву. 31 июля и 1 августа – редкие татарские лучники, больше от злобы, чем для дела, проезжали под стенами крепости и стрелами стреляли по обозам.

А за обозами лютовал словами, связанный Дивей-мурза.

– Собаки! Все вы скоро подохнете от голода! Да пусть вы самого б хана взяли, 5-6 дней стоять вам. И голыми руками возьмут вас янычары! Нет у вас ни ядер, ни воды! Лучше вам сейчас убить меня, потому как через пять дней я свои руками с вас с живых шкуру драть буду! – вот как лютовал Дивей-мурза. И слова его были не пустыми. Правду он говорил – на 5 дней оставалось в крепости воды, а ядер и на три

дня бы не хватило.

Всю ночь с первое по второе августа Воротынский с боярами провели в молитве. Молились и простые стрельцы, все понимали, что если помощь не придет – все как один вскоре предстанут на Суд Господа, – потому и молитвы русских ратников были как перед причастием.

И Господь услышал их.

На рассвете 2 августа, защитники крепости увидели тысячи пеших татар.

Спешил-таки Девлет-Гирей своих конников, а значит пошел он на решающий главный штурм.

И вздохнул облегченно князь Михаил Иванович. Услышал его Господь, не попустил смерти позорной от голода и пленения.

– Ну, бояре, – сказал князь, – вот сейчас пойдет настоящая потеха! – и засветились радостью лица боярские, и слуги их, и стрельцы, и дети боярские, все славили Бога за милость Им данную, и готовились принять смерть славную и постоять за землю Русскую, и за Москву-матушку.

В пешем бою не было русскому ратнику равного, потому и радовались защитники крепости, потому и славили Бога.

Но что заставило Крымского царя бросить все силы на решающий бой, почему не взял он измором крепость? Знал же хан, что на земле его всадники теряли всю свою силу, и на верную смерть слал он своих татар.

Схватили в ту ночь татары гонца, скакавшего из Москвы

в Молоди. У гонца нашли послание от защищавшего Москву князя Токмакова к князю Воротынскому. В послании том было сказано, что просил князь воевод «сидеть безстрашно», что идет к ним помощь «рать наугородская многая». Командует той ратью сам царь Иоанн Васильевич. А в Москву уже прибыл авангард той рати – 40 тысяч конных и пеших воинов, и привел этот полк боярин Мстиславский.

Крепко пытали татары гонца, жгли и резали его, но говорил он, пока душу свою праведную не отдал Богу, что сам своими глазами видел и войско несметное и боярина Мстиславского в золотых доспехах.

А гонца того с ложным посланием – сам царь Иоанн благословил. Знал гонец, что на верную гибель и муки идет страшные. Нельзя было русскому царю уводить войска из Новгорода, того только и ждали поляки со шведами. И в Москве никакого полка с Мстиславским не было. Но крепок духом русский человек, и первое, что помнит он, что нет лучшей доблести, чем положить душу за други своя, и потерпеть муки добровольные, подобно Господу нашему Иисусу Христу, добровольно на крест взошедшего и пострадавшего за всех христиан.

Поверил гонцу Девлет-Гирей, спешил своих конников и отправил их на последний штурм. И случился он в субботу, 2 августа 1572 года от рождества Христова.

С невиданной храбростью бросались татары на стены гуляй-города. Ни что не останавливало их: ни ядра, ни картечь,

ни пули. Руками хватались они за стены крепости, стараясь раздвинуть их и прорваться за обозы.

А через спины их летели тучи стрел в крепость. Но от этой татарской храбрости русская храбрость становилась еще яростнее. Пронзенные стрелами русские ратники, боли не чувствуя, рубили руки татарские, и тысячи отрубленных рук покрыли землю у стен гуляй-города. И громче зверей ревели обрубленные крымчане, нагайцы и турецкие янычары; скидывали вверх обрубками, била из них кровь фонтанами и на красных птиц похожи были эти несчастные.

Но мало этого. Когда атаки татар ослабели, раскрылись сами обозы гуляй-города, и бросились стрельцы и дети боярские в рукопашную. А справа бросилась на татар конница, что ждала в засаде – свежие силы воевод Хованского с Хворостининым и немецкие рейтары с ротмистром Фаренсбахом. А слева – полк во главе с самим князем Воротынским: во время боя незаметно спустился с противоположного холма полк его и ударил в бок татарской армии.

С трех сторон ударили русские, взяв татар в клещи. Не выдержали этого последнего удара татары, и, кто не был зарублен, бежали в свой лагерь к своему хану, со страшной вестью, что нет больше у него войска.

Оставив несколько тысяч войска на защиту – бежал Девлет-Гирей с малым отрядом. За несколько часов, достиг Оки, переправился, и, бросив обоз с артиллерией, той же дорогой, что шел на Москву, теперь бежал в Бахчисарай, сто-

лицу своего крымского ханства – бежал в сраме и уныние.

Только утром Воротынский узнал о бегстве крымского царя. С ходу разгромив оставленное ханом для прикрытия своего отхода войско, до самой Оки русские гнали татар – мало кто спасся. Отбив и обоз с артиллерией, русские остановились – преследовать татар не было сил, да и татары бежали налегке, без полона и добычи.

Захватив ханский лагерь и богатую добычу, бояре и воеводы, князь Михайло Иванович Воротынский со товарищами пошли назад по старому месту в Серпухов, в Торусу, в Калугу, на Коломну, где стояли до государева приходу.

В тот же день гонцы принесли весть о победе в Москву «и бысть на Москве и по всем градом радость неизреченная, молебная пения з звоном. И с радостию друг со другом ликующе».

До Новгорода же весть о победе дошла 6 августа. Гонцы, князь Ногтев и Давыдов, передали царю грамоту от Воротынского и его товарищей о великой победе над Крымским ханом, и положили к царевым ногам ханские два саадака, два лука и две сабли.

До полуночи по всему Новгороду звонили колокола и шли благодарственные молебны.

17 августа царь Иоанн IV покинул Новгород и отбыл в Москву. 30-го же августа в Москву из Новгорода была отправлена и государственная казна.

Радовалась Россия, славилась по всем церквям и монасты-

рям Господа. Увидели русские люди, что крепка их вера, и сильна их молитва. Что угодно Господу видеть славу Православия, и угоден Ему «первенец» Его – помазанник – Государь царь и великий князь Иоанн IV Васильевич всея Руси.

В этом же году, в осень, пошел царь Иоанн походом на шведов и, с Божьей помощью, взял тем походом город Пайду.

О крымском же ханстве вовсе забыла Россия, точно и не было его. Нагайское ханство попросило дружбы Москвы, казанцы и астраханцы окончательно признали Москву своей повелительницей. И наступил на востоке мир. Четыре татарские сабли²⁰ больше не угрожали России.

Правда, Девлет-Гирей еще в конце августа, прибежав в Бахчисарай, прислал «брату Ивану» письмо, где уверял, что шел он в Москву не воевать, а переговорить с русским царем о передаче ему обещанного ему весной Астраханского ханства: «Хотенье мое было: с тобою на встрече став, слова не оставив, переговорити... И ныне по прежнему нашему слову, меж нами добро и дружба быв, Казань и Асторохань дашь, – другу твоему друг буду, а недругу твоему недруг буду; от детей и до внучат меж нами в любви, быв роту́ и шерть²¹ учинив, нам поверишь». А то что под Молоди случилась битва, так в том, – писал крымский хан, – виноват

---

²⁰ Крымское, Казанское, Нагайское и Астраханское ханства

²¹ Ротá – присяга, клятва. Шерть – присяга на верность договорным отношениям с Русским государством, присяга мусульман на подданство.

сам русский царь, что не пожелал личной встречи, а послал на «своего брата» войска с воеводой Воротынским.

И если де царь Иван, не отдаст Казани и Астрахани, он, Девлет-Гирей, вместе с Польшей нападет на Россию. Не знал, наверно, крымский хан, что не до России было тогда Польше, умер ее король Сигизмунд II, и делили польские магнаты власть.

Труден был 1572 год для молодого Русского царства и первого Русского царя. Но угодно было Богу сохранить и преумножить землю русскую – землю православную. Пал Рим, пала Византия, одна Москва сохранила чистоту Церкви Божией. Третьим Римом стала Москва – и четвертому не бывать! И как подтверждением тому стала битва возле славного города Серпухов, у деревни Молоди, недалеко от храма Воскресения Господнего, 2 августа 1572 года от рождества Христова.